
Вдова
живого
генерала
Яна
Дмитриева

Яна Дмитриева

Вдова живого генерала

«Автор»
2026

Дмитриева Я.

Вдова живого генерала / Я. Дмитриева — «Автор», 2026

— Вера, отойди от окна!Именно с этих слов мой покойный муж решил испортить мне свадьбу.Пять лет назад я похоронила Романа Ковалёва — любимого мужа, боевого генерала и мужчину, без которого не представляла своей жизни.Я выплакала все слёзы, научилась жить заново и наконец встретила человека, с которым захотела быть счастлива.Но в тот самый момент, когда я собиралась сказать другому «да», на пороге появился ОН.Живой. Наглый. С новыми шрамами и прежней привычкой командовать.И что мне теперь делать? Обнять? Ударить? Или потребовать справку о воскрешении?Только вот мой воскресший генерал вернулся не один. За ним тянется опасная тайна, способная разрушить наши жизни.Он хочет защитить меня. Я хочу узнать правду.Но главный вопрос совсем в другомМожно ли снова полюбить мужчину, который однажды заставил тебя пережить собственную смерть?

© Дмитриева Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Жених, невеста и покойник 5
Глава 2. У мёртвых нет права голоса 11
Глава 3. Пятилетняя вдова 18
Глава 4. Жених с договором 26
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Вдова живого генерала

Глава 1. Жених, невеста и покойник

— Вера Андреевна, вы согласны стать женой Павла Журавлёва?

Я собиралась сказать «да».

К этому моменту мы с Павлом прожили вместе почти год, трижды поссорились из-за ремонта и один раз едва не расстались из-за его матери, которая считала, что у меня слишком независимый характер для счастливого брака. Вопрос регистратора был самым простым из всего, что пришлось решить за последние месяцы.

Я уже вдохнула, когда за спиной прозвучало:

— Вера.

Одно слово. Негромкое. Без всякого права вмешиваться.

И всё-таки я не смогла ответить.

Так бывает, когда слышишь голос человека, с которым пять лет разговаривала только на кладбище.

Я повернулась.

У дверей стоял Роман Ковалёв.

Первым делом я отметила, что тёмный костюм на нём сидит отвратительно хорошо. Вторым — седину на висках. Третьим — длинный, побелевший шрам возле правой скулы.

Четвёртой мысли не получилось.

Мой первый муж умер тринадцатого октября две тысячи двадцать первого года. У меня имелись свидетельство, оплаченный памятник и три коробки с его вещами. До недавнего времени я считала этот набор достаточно убедительным доказательством. До пятой годовщины его гибели оставалось десять дней.

Но доказательство стояло у двери. Дышало. Смотрело на меня.

— Господи, — тихо сказала Лада за моей спиной.

Я была с ней согласна. Хотя в этой ситуации вопросы возникали скорее к организации похорон.

Павел сжал мою ладонь.

— Вера, что происходит?

Я не ответила. Я смотрела на человека, которого похоронила, и пыталась понять, почему никто вокруг не кричит.

Роман шагнул в зал. Не быстро, не медленно. С той сдержанной уверенностью, которую я когда-то принимала за неоспоримое достоинство, а потом научилась ненавидеть всей душой.

— Отойди от окон, — сказал он.

Вот теперь захотелось закричать.

Пять лет меня учили жить без этого мужчины. Я научилась платить его старые долги, чинить кран и не вздрагивать каждый раз, когда за дверью раздавались мужские шаги. Научилась не вспоминать о нём в день рождения. Почти научилась не плакать, когда видела мужчину в военной форме.

А он вернулся и с первой же фразы начал руководить моей жизнью.

— Роман? — услышала я собственный голос.

— Да.

Никакого «здравствуй». Никакого «прости». Даже объяснения, почему гроб оказался плохим способом завершить отношения.

Павел отпустил мою руку и встал немного впереди.

— Извините, вы кто?

Роман посмотрел на него. Взгляд задержался на белом цветке в петлице, на кольце, которое Павел держал между пальцами, и вернулся к его лицу.

— Роман Ковалёв.

— И что вам нужно?

— Чтобы все отошли от окон. И чтобы вы не пытались задержать Веру.

— Вы с ума сошли?

— Возможно, — ответил Роман. — Сейчас это второстепенно.

Я вдруг вспомнила, как четыре года назад в кабинете нотариуса мне сообщили, что квартиру, в которой мы жили с Романом, придётся продать. Тогда я тоже кивала, слушала деловые формулировки и не сразу понимала смысл сказанного.

У горя, оказывается, была привычка повторяться. Только в этот раз его принесли в дорогом костюме.

— Ты умер, — произнесла я.

Роман едва заметно опустил голову.

— Для тебя — да.

— Не для меня. Официально. Со всеми положенными документами. Ты хочешь, я покажу фотографию памятника? Очень приличная работа. Гранит, золочёные буквы, цветы по праздникам.

Несколько гостей замерли с телефонами в руках. Регистратор побледнела и, кажется, впервые за годы службы не знала, какую фразу произносить следующей.

Роман не приближался. Я заметила, как ему хотелось это сделать: пальцы правой руки на мгновение сжались, потом разжались.

— Я всё объясню, — сказал он. — Но не здесь.

— Нет, — ответила я. — Ты не получишь ещё пять минут молчания просто потому, что привык считать себя главным.

— Ты права.

Я растерялась. При жизни мой муж обычно не сдавался на второй реплике.

— Тогда отвечай. Ты жив?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Да.

Знал бы он, как глупо прозвучало это короткое слово.

— Прекрасно. А я, выходит, вдова с устаревшими сведениями.

Лада издала нервный звук, похожий на смешок, который не решился родиться.

Павел повернулся ко мне.

— Это твой муж?

— Покойный, — сказала я. — До сегодняшнего утра, во всяком случае.

— Вера…

— Не спрашивай меня, как такое возможно. Я бы тоже хотела ознакомиться с инструкцией.

Роман перевёл взгляд к дальней двери. Я знала этот жест. Он никогда не разглядывал помещение просто так. Когда мы познакомились, мне казалось трогательным, что он садится в ресторане лицом ко входу. Позже выяснилось, что даже на наших свиданиях у него существовала схема размещения личного состава.

— Павел Сергеевич, — сказал Роман, — пожалуйста, отойдите вместе с Верой к внутренней стене.

Павел напрягся.

— Откуда вы знаете моё отчество?

— Я подготовился к встрече.

— К какой именно? К моей свадьбе?

— К угрозе, о которой вас должны были предупредить ещё утром.

Повисла тишина.

Я медленно повернула голову к Павлу.

— О какой угрозе?

— Он несёт чушь, — ответил тот слишком быстро.

Не самый удачный ответ для человека, который собирается провести с тобой всю жизнь. Я бы предпочла хотя бы «понятия не имею».

Дверь распахнулась снова. В зал вошла женщина в сером жакете, показала удостоверение регистратору и попросила приостановить церемонию. За ней появился полицейский в форме. Не Роман отдавал им распоряжения — каждый, судя по всему, знал свою работу.

— Меня зовут Алёна Соловьёва, — сказала женщина. — Я следователь. Возникла информация о возможной угрозе одному из присутствующих. Прошу всех сохранять спокойствие. Мы организуем выход через служебную часть здания.

— Какой угрозе? — спросил кто-то из гостей.

— Подробности сообщим, когда убедимся, что здесь безопасно.

Впервые за последние минуты мне захотелось прислушаться. Не к Роману. К женщине, которая вместо загадочных приказов хотя бы объяснила, что происходит.

Я подняла руку.

— У меня два вопроса.

Алёна повернулась.

— Слушаю.

— Это связано с человеком, которого я похоронила?

Её взгляд на секунду переместился к Роману.

— Частично.

— Второй вопрос. Есть вероятность, что сегодня мне дадут спокойно выйти замуж?

— Сегодня я бы не советовала продолжать церемонию.

— Потрясающе. На прошлой неделе нас подвёл кондитер, сегодня — сама реальность.

Павел взял меня под локоть.

— Вера, мы можем обсудить всё позже. Пойдём со мной.

Роман не вмешался. Он по-прежнему стоял у дверей, но теперь я заметила, что бледность у него вовсе не театральная. Под воротником рубашки виднелся край старого рубца. Правая рука двигалась осторожнее левой.

Пять лет не прошли для него бесследно.

Для меня тоже. Просто мои шрамы не бросались в глаза из-под свадебного платья.

— Сейчас я пойду с сотрудницей следствия, — сказала я Павлу. — А потом поговорю с каждым из вас. По отдельности. Желательно в присутствии человека, который умеет фиксировать показания.

— Ты мне не доверяешь?

Я посмотрела на Павла. Хороший костюм. Знакомый запах. Мужчина, который возил меня к врачу, когда я болела, и терпел мои бессонные ночи. Человек, рядом с которым я наконец разрешила себе думать о будущем.

Потом перевела взгляд на Романа. Мужчина, которого я любила сильнее собственного благоразумия. Которого похоронила. Который, похоже, не собирался отрицать ни одного из этих фактов.

— Сегодня доверие у меня закончилось, — ответила я. — Новую партию ещё не привезли.

Лада подошла и обняла меня за плечи. Она была единственной в комнате, кому не требовалось объяснять, почему меня трясёт.

— Дыши, — шепнула она.

— Стараюсь. Но начальство внезапно вернулось из отпуска длиной в пять лет.

— Господи, Вера.

— Ладно. Не смешно.

— Нет, — ответила она. — Просто я тоже сейчас иначе не могу.

Нас повели в боковой коридор. Дверь за спиной закрылась, оставив в торжественном зале букет, регистратора и моё несказанное «да». Я даже не заметила, когда выпустила цветы из рук.

Алёна держалась рядом. На повороте она остановила группу и дождалась подтверждения по рации, что выход свободен. Роман не пытался пробраться ко мне. Он поговорил с полицейским у лестницы, коротко и негромко, после чего остался в нескольких шагах.

Это было новое.

Старый Роман непременно взял бы меня за руку и объяснил, куда мы идём, когда уже вёл бы меня туда. Пять лет назад я называла это заботой. Потом, когда пришлось самостоятельно разбирать последствия его решений, нашла несколько менее нежных определений.

У выхода Алёна попросила меня остановиться.

— Вера Андреевна, кто сегодня собирал вашу сумку?

Я удивлённо посмотрела на маленький светлый клатч у себя в руке.

— Я. Если не считать Ладу, которая четыре раза заставила переложить помаду в другое отделение. Это важно?

— Возможно. Кто имел к сумке доступ до церемонии?

— Павел, Лада, фотограф. Горничная в гостинице, наверное. Но я не оставляла её надолго.

— Вы получали сегодня какие-нибудь документы?

Я напряглась.

В восемь утра Лада написала, что в офис доставили материалы по проверке «Гранита». Я попросила убрать пакет в сейф. Компания давно вызывала у меня профессиональную аллергию: в её отчётах расходов всегда было больше, чем объяснений.

— Документы пришли в агентство, — сказала я. — Я их не видела.

Алёна обменялась взглядом с Романом.

Мне этот обмен не понравился. Два человека, которым известна часть моей жизни, беседовали глазами, как будто я стояла между ними в качестве предмета интерьера.

— А теперь говорите, — потребовала я. — Что за документы?

Роман подошёл на шаг, но оставил достаточно расстояния.

— Архив бывшего финансового директора «Гранита». Я искал его несколько лет.

— А я получила его в подарок на свадьбу?

— Ты не должна была стать его получателем.

— Слово «должна» предлагаю сегодня не использовать. Оно меня раздражает.

Он чуть заметно кивнул.

— Хорошо. Важно, что кто-то изменил маршрут передачи. Теперь эти люди считают, что документы у тебя.

— И поэтому ты решил воскреснуть?

— Поэтому я пришёл предупредить.

— Разница между этими двумя событиями почти не заметна, Роман.

— Знаю.

Я хотела спросить, где он был все эти годы. Почему не пришёл раньше. Видел ли свою могилу — тот камень, который мне пришлось выбирать с женщиной из ритуального бюро. Но за стеной раздался звук быстрых шагов, и Алёна прижала палец к гарнитуре.

— Подождите, — сказала она.

Мы замерли.

— Служебный пропуск, о котором сообщали, недействителен, — произнесла она в микрофон. — Проверьте, чтобы никто не пытался выйти вместе с группой гостей.

Я услышала далеко в коридоре короткое возмущённое мужское «отпустите» и шум захлопнувшейся двери.

Роман не бросился на звук. Не побежал ловить подозреваемого. Лишь посмотрел на Алёну и спросил:

— Нужны мои сведения о внешности?

— Передайте моему сотруднику, — ответила она. — И оставайтесь здесь.

Он остался.

Ещё одна невероятная вещь за сегодняшнее утро: мой бывший муж выполнил чужую просьбу без уточнения служебной иерархии.

Нас вывели к машине следственной группы, припаркованной во внутреннем дворе. Погода была обидно прекрасной. Светило солнце, на дорожках лежали жёлтые листья. Где-то в городе люди покупали продукты, гуляли с собаками и даже, вероятно, женились без участия покойников.

Павел появился через несколько минут. На лице у него не осталось торжественной уверенности. Он смотрел то на меня, то на Романа, будто надеялся, что при правильном выборе собеседника вся история окажется нелепой шуткой.

— Вера, поехали домой, — сказал он.

— В какой именно? — спросила я.

— В наш.

В этом слове неожиданно было много горечи. Наш дом. Наша жизнь. Наши планы. Павел не заслужил того, чтобы его свадьба закончилась подобным образом. Но сейчас я даже не знала, что он скрывал от меня утром.

— Павел, почему Роман сказал, что тебя предупреждали?

Тот оглянулся на Алёну.

— Мне звонил коллега. Сказал, что один из клиентов недоволен вашей проверкой. Я думал, это обычные корпоративные угрозы.

— Почему ты не рассказал?

— Не хотел портить тебе день.

Я почувствовала, как внутри медленно поднимается злость.

— Мне сегодня сообщили, что мой покойный муж жив. Поверь, у тебя были все шансы не испортить день сильнее.

— Вера, я не знал…

— Вот это ты мне ещё подробно объяснишь.

Он сделал движение навстречу, но остановился, когда увидел моё лицо.

Роман стоял чуть поодаль. Его взгляд был направлен на выезд из двора. Казалось, происходящее между мной и Павлом ему неинтересно. Но я слишком хорошо знала этого мужчину: теперь он намеренно не вмешивался в чужой разговор.

И почему-то от этого становилось ещё больнее.

У Лады зазвонил телефон. Она посмотрела на экран, нахмурилась, увеличила фотографию и вдруг резко подняла голову.

— Вера, — сказала она. — Посмотри.

Это был снимок, сделанный за несколько минут до церемонии. Я стояла возле окна, поправляя серьгу. Павел разговаривал с регистратором. В зеркале за моей спиной отражалась часть коридора.

Лада увеличила изображение.

Возле открытой двери стоял мужчина с бейджем технического сотрудника. Мы видели его сегодня в холле. Он не смотрел на меня. Не смотрел на Павла и на гостей.

Он смотрел на мою сумку, оставленную на столике рядом с цветами.
А потом я заметила его руку.
На втором снимке она уже лежала на застёжке клатча.
— Это он, — тихо сказал Роман.
Я подняла глаза.
— Кто?
Роман встретил мой взгляд.
— Я видел его за несколько минут до взрыва. За пять лет он почти не изменился.

Глава 2. У мёртвых нет права голоса

— Ты видел этого человека пять лет назад? — переспросила я.

Роман не отводил взгляда от экрана телефона. Обычно, когда он был в чём-то уверен, я слышала это по одному только молчанию. Теперь молчание стало другим: осторожным.

— Видел мужчину, очень похожего на него. За несколько минут до взрыва он стоял возле машины сопровождения. Я запомнил лицо.

— Пять лет прошло. Люди за это время меняют причёску, вес, жён, иногда даже семейное положение. Мой личный опыт сегодня особенно богат.

— Поэтому я и говорю «похожего». Фотографию нужно проверить.

Он протянул телефон Алёне, но та покачала головой:

— Пришлите исходный файл. Без пересылки через мессенджеры и обработки. Сотрудник оформит получение.

Мне понравилось, что следовательница не стала падать в обморок от слова «генерал». За сегодняшнее утро это было почти экзотическое качество.

Лада прижала телефон к груди.

— Я ничего не удаляла. У меня ещё серия снимков. Фотограф снимал нас, а я щёлкала на свой телефон, потому что Вера из принципа не хотела больше сорока свадебных фотографий.

— Потому что на сорок первом снимке я начинаю выглядеть как женщина, которую удерживают на мероприятии против её воли, — уточнила я.

Алёна на мгновение улыбнулась и сразу стала серьёзной.

— Вера Андреевна, я попрошу вас проехать с нами. Нужны объяснения, а сумку желательно осмотреть в установленном порядке. Есть основания полагать, что к ней прикасался посторонний.

Я опустила глаза на светлый клатч. Он стоил неприличных денег, плохо закрывался и вмещал приблизительно половину телефона. Я купила его ради одного дня, который уже успел потерять все признаки праздника.

— А если я откажусь?

— Мы объясним, какие действия возможны по закону, а какие требуют вашего согласия. Пока я прошу вас добровольно помочь разобраться.

Вот так, оказывается, можно было разговаривать со взрослыми людьми. Без «немедленно», «не обсуждается» и прочих семейных традиций Ковалёвых.

— Я поеду, — сказала я. — Но сначала звоню своему адвокату.

Роман повернул голову.

— У тебя есть адвокат?

— Представь себе. Пока ты отдыхал на том свете, я научилась нанимать специалистов.

— Я не отдыхал.

Три слова прозвучали ровно, но я впервые услышала в них усталость. На мгновение мне захотелось спросить, больно ли ему до сих пор. Я не спросила. Сочувствие было бы слишком похоже на разрешение ничего не объяснять.

Я набрала Татьяну Ларину. Когда-то она помогла мне оспорить неправильно выставленный счёт за лечение матери. Затем вытаскивала моё агентство из неприятного договора с клиентом. До этого дня я считала нашу юридическую историю достаточно разнообразной.

— Вера, — сонно ответила Татьяна. — У тебя ведь свадьба.

— Уже нет. Мой покойный муж пришёл и сорвал регистрацию.

В трубке стало тихо.

— Повтори нормально.

— Таня, я говорю максимально нормально для имеющегося материала. Он живой. Стоит рядом. Нас отвезут давать объяснения, а какой-то незнакомец пытался залезть в мою сумку.

— Где ты?

Я назвала адрес.

— Ничего не подписывай, не прочитав. Я приеду. И, Вера…

— Что?

— Не бей его до моего приезда. Это сильно усложнит день.

— Предательница. Даже ты на его стороне.

— Я на стороне человека, которого потом не придётся защищать сразу по двум делам.

Татьяна отключилась. Я почувствовала к ней редкую нежность: хотя бы одна женщина в моём окружении оставалась собой.

Павел всё это время стоял у машины, сунув руки в карманы. Свадебный цветок в его петлице повис набок. Хотелось подойти и поправить, по привычке. Это желание разозлило сильнее всего.

— Я тоже поеду, — сказал он.

— Ты можешь дать свои объяснения отдельно, — ответила Алёна. — Мой сотрудник сообщит, куда обратиться.

— Я жених. Вернее…

Он осёкся.

Никто не помог ему подобрать слово. Невеста, которая не стала женой? Мужчина, проигравший соревнование с покойником? В юридических документах наверняка существовал аккуратный термин. Сейчас мне было всё равно.

— Павел, — сказала я, — пожалуйста, не звони моей матери. Я сама.

— Она уже знает. Гости звонят друг другу.

И правда. Телефон завибрировал в ладони. На экране высветилось «Мама» и три сообщения подряд: «Ты где?», «Почему мне пишут, что Рома жив?», «Вера, возьми трубку».

Я выключила звук. Разговор с матерью требовал сил, которых у меня не было. Скорее всего, ей и без того нелегко узнать, что зять, которого она оплакала, решил вернуться без предварительной записи.

# # #

В районном отделе мне предложили воду, стул и бумажные салфетки. Такой набор обычно выдают людям после ужасных новостей. Я вежливо отказалась от салфеток, потому что не собиралась плакать на государственном имуществе.

Татьяна появилась через сорок минут. На ней были джинсы, тёмный плащ и выражение лица, с которым она входила на заседания, где заранее ожидала чужую глупость.

Сначала она обняла меня. Затем посмотрела на Романа.

— Господин Ковалёв?

— Да.

— Судя по тому, что вы отвечаете самостоятельно, медицинское свидетельство о вашей смерти заслуживает внимательной проверки.

— Согласен.

Татьяна моргнула. Потом повернулась ко мне:

— Вера, он всегда был таким сговорчивым?

— Нет. Видимо, это посмертный побочный эффект.

Нас пригласили в небольшой кабинет. За столом сидела Алёна; рядом лежала папка с материалами, которые не пытались впечатлить количеством печатей. Роман сел напротив меня, оставив пустой стул между нами. Татьяна открыла блокнот.

— Давайте разграничим вопросы, — сказала она. — Один: безопасность моей доверительницы. Второй: сведения об архиве. Третий: утверждение этого человека, что он Роман

Ковалёв, официально умерший в две тысячи двадцать первом году. Смешивать их в один эмоциональный разговор не будем.

— Благодарю, — произнесла Алёна. — Сейчас мы устанавливаем обстоятельства угрозы и проверяем представленные сведения. Вопрос об ошибочной записи о смерти отдельно потребует предусмотренных законом процедур.

— То есть, — вмешалась я, — я не окажусь внезапно замужем за человеком, который пять лет не участвовал в семейной жизни по уважительной причине «лежал в могиле»?

Татьяна закрыла блокнот пальцем.

— Вера, твой первый брак был прекращён в связи с зарегистрированной смертью. Появление Романа не означает, что вам автоматически вернули прежний семейный статус. Остальное будем решать после проверки документов. Сегодня ты никому ничего не должна.

Я наконец выдохнула. Невероятно, как помогает человеку простая юридическая формулировка.

Роман не возразил.

— У меня есть копии медицинских записей, — сказал он. — И люди, способные подтвердить, что я жив. Оригиналы части документов уже переданы для проверки.

Он положил на стол несколько листов и старую фотографию. На ней стоял мужчина с перебинтованной головой, сильно похудевший, с одной рукой на перевязи. Лицо было почти неузнаваемым. Но я узнала родинку возле левого уха.

Эту родинку я раньше целовала, когда он засыпал.

Я отвернулась к окну. За стеклом дворник собирал листья в огромный пакет. Его день выглядел завидно понятным.

— Когда сняли этот снимок? — спросила Татьяна.

— Январь двадцать второго. В клинике, где я проходил восстановление.

— Под каким именем?

Роман назвал чужую фамилию. Я мысленно повторила её и почувствовала странный холод. У моего мужа была ещё одна жизнь, документы, палата, врачи. У меня — только свидетельство о смерти и попытки не сойти с ума после похорон.

— Сколько времени вы не могли выходить на связь? — спросила я.

— Несколько месяцев. Сначала я был без сознания, затем проходил лечение. Подробно объясню.

— Когда?

Он посмотрел на Алёну.

— Когда сведения не повредят проверке.

— Очень удобно, — сказала я. — Государственная тайна, личная тайна и семейная тайна в одном флаконе. Скидку за объём предусмотрели?

— Вера, — тихо остановила Татьяна.

Роман не обиделся. Пожалуй, это было хуже. Я знала мужчину, который сейчас непременно начал бы защищаться. Передо мной сидел человек, способный проглотить обиду и не выдать ни слова лишнего.

— Сохраните фотографию, — сказала Алёна, обращаясь к Роману. — Документы будут проверены вместе с другими данными. Идём дальше.

Она повернула экран ноутбука. На нём виднелся кадр из коридора дворца бракосочетаний. Мужчина с техническим бейджем входил со стороны служебной лестницы. Дата и время совпадали с нашим прибытием.

— Пропуск оформлен на штатного сотрудника, который сегодня был дома, — пояснила Алёна. — Служба здания уже проверила журнал. Незнакомец воспользовался чужими данными. Пока не установлено, как именно он получил пропуск.

— Его задержали? — спросила я.

— Задержан другой человек, который пытался пройти через служебный выход без проверки. Причастность уточняется. Тот, кого видно на вашем снимке, на имеющихся записях покинул коридор до эвакуации. Мы не будем называть его преступником только по внешнему сходству.

Роман кивнул.

— В двадцать первом я видел похожего человека у автомобиля. Мне требуется время, чтобы уточнить обстоятельства. Я дал эти сведения письменно.

— Почему ты раньше не рассказал про него? — спросила я.

— Ты не спрашивала.

Он произнёс это и тут же поморщился, словно услышал собственную глупость.

Я медленно опустила руки на стол.

— Рома. Ты понимаешь, что именно сейчас лучше не начинать предложения со слов «ты не спрашивала»?

— Понимаю. Прости. Я должен был сказать сам.

В кабинете наступила тишина. Я не знала, что хуже: его привычка уходить от ответа или новые извинения, от которых исчезала привычная почва под ногами.

# # #

Мою сумку осматривали в отдельной комнате. Алёна предложила мне присутствовать; Татьяна настояла, чтобы ход осмотра фиксировали. Я следила, как на стол выкладывают телефон, пудреницу, небольшой футляр с серьгами и сложенную салфетку, на которой Лада утром нарисовала смешного жениха с огромным букетом.

А потом достали плотный кремовый конверт.

— Это не моё, — сказала я.

Я знала каждую складку несчастного клатча. Он был слишком мал, чтобы туда случайно поместилось нечто неизвестное. Конверт, правда, оказался тонким, сложенным пополам, но чужой предмет ощущался почти оскорбительно.

Сотрудник показал его мне, не передавая в руки. На лицевой стороне значилось: «Вере Морозовой. Лично».

— Доставляли что-нибудь подобное? — спросила Алёна.

— Нет. Утром курьер был в офисе. Здесь я ничего не получала.

— Когда сумка последний раз находилась без вашего присмотра?

— Перед церемонией. На столике. Лада фотографировала, Павел разговаривал с регистратором. Я пыталась не испачкать платье помадой.

— То есть посторонний мог вложить конверт, — уточнила Татьяна.

— Судя по снимкам — да. Но пусть сначала проверят отпечатки и упаковку, — ответила я. — Я не хочу потом услышать, что сама придумала себе приключение.

Конверт вскрыли с фиксацией содержимого. Внутри лежали два листа. На первом — фрагмент отчёта с таблицей поставок, кодами контрактов и суммами. На втором — несколько строк служебного заключения, внизу подпись и дата.

Я вгляделась в текст. Там были слова «подтверждение объёмов», «соответствие первичным актам» и «дополнительная проверка не требуется».

— Отчёт мне знаком, — сказала я. — Не сам документ. Формулировки. Такие делают, когда хотят придать цифрам вид железобетонной истины, а сами цифры ещё никто не проверил.

Роман чуть подался вперёд. Движение было почти незаметным, но я увидела, как он сжал ладонь на колене.

— Что? — спросила я.

— Там обозначение поставки, — ответил он. — Я уже встречал его в материалах двадцать первого года.

— И ты знал, что оно появится здесь?

— Нет.

Алёна попросила не делать выводов до экспертизы. И я почти с благодарностью промолчала: за сегодняшний день люди вокруг успели назначить слишком много окончательных истин.

Потом Татьяна обратила внимание на дату.

— Четырнадцатое апреля две тысячи двадцать третьего года, — прочла она. — Это что за подпись?

Роман поднял глаза.

На белом листе стояло: «Р. А. Ковалёв». Под ней — росчерк, удивительно похожий на его подпись на нашей старой ипотеке.

Восемнадцать месяцев после его официальной смерти.

— Подписывал? — спросила Алёна.

Роман смотрел на документ чуть дольше, чем следовало человеку с простым ответом.

— Я не узнаю этот отчёт, — произнёс он наконец. — Не могу подтвердить подпись без проверки.

Я повернулась к нему.

— Вопрос был другой.

Он не отвёл взгляда.

— Я слышал.

— Так ответь.

— Я не готов утверждать то, чего не могу доказать.

Татьяна записала что-то в блокнот. Я молча смотрела на Романа и впервые за день почувствовала не только обиду.

Недоверие.

Не ту человеческую осторожность, которая появляется после лжи. А холодное профессиональное недоверие к документу, свидетелю и слишком тщательно подобранным словам.

У этого человека имелась история. И она была гораздо сложнее, чем одна удачно пережитая смерть.

# # #

Когда мы закончили, часы показывали почти семь вечера. Я не заметила, как день вытянулся и превратился в одно длинное изматывающее ожидание.

Алёна предложила мне на несколько дней остановиться у знакомых или принять помощь с временным жильём. Причину объяснила честно: неизвестный человек проявил интерес к моей сумке, а происхождение документов ещё не установлено. Прямой угрозы по адресу квартиры пока не выявлено.

— То есть мне можно ехать домой? — спросила я.

— Сейчас оснований запрещать вам это нет. Но я рекомендую осторожность, связь с дежурным сотрудником и отсутствие публичных сообщений о вашем местонахождении.

Роман сидел рядом и молчал. Я ждала привычного «поедешь туда, куда скажут». Он не произнёс ни слова.

— А ты что думаешь? — спросила я прежде, чем успела себя остановить.

— Что Алёна права. Из предложенных вариантов я бы выбрал квартиру твоей подруги, если она согласится. Но решение за тобой.

— Это ты сейчас сказал? Без суфлёра?

— Да.

— Нужно записать. Потом покажу твоему бывшему штабу.

Он устало улыбнулся.

Татьяна сложила бумаги в папку. Она смотрела на нас поверх очков с выражением человека, который считал, что семейная терапия должна оплачиваться отдельно от адвокатских услуг.

— Мне требуется одна вещь, — сказала я Роману. — Правила.

— Слушаю.

Я начала загибать пальцы.

— Ты не следишь за мной и не получаешь доступ к моим личным данным без объяснений. Не говоришь моим сотрудникам, что они должны делать, только потому, что когда-то носил высокое звание. Не вмешиваешься в мои отношения с Павлом. И отвечаешь мне прямо, когда речь идёт обо мне.

— С одним уточнением, — сказал он. — Если я узнаю о непосредственной опасности, предупрежу тебя. И следователя. Не буду ждать, пока ты сформулируешь запрос в трёх экземплярах.

— Согласна. Но предупреждение — это не приказ.

— Согласен.

Он выдержал паузу.

— Я тоже попрошу об одном.

— Ты ещё торгуешься?

— У меня есть причины. Если решишь поменять место ночлега, сообщи Алёне, чтобы группа могла с тобой связаться. Не мне. Ей.

Я посмотрела на следовательницу. Та кивнула:

— Это разумно, но остаётся вашим решением.

— Хорошо.

Роман медленно поднялся. Когда он встал, его правая рука на секунду задержалась у спинки стула. Я заметила эту боль. В прежней жизни он умел скрывать даже небольшую температуру, если она могла помешать службе. Сегодня его тело предательски напоминало, что вернуться из мёртвых — ещё не значит выйти оттуда невредимым.

— Вера, — сказал он.

— Что?

— Я не прошу тебя простить меня. Не сегодня.

Я хотела ответить резко, но слова почему-то не пришли.

— Это мудро, — выговорила я. — У меня сегодня закончился запас на прощение, доверие и вежливые улыбки.

Он кивнул и вышел.

Только после этого я поняла, что за весь день он так ни разу и не попросил меня вернуться.

Я не знала, радоваться ли этому.

Татьяна задержалась, чтобы получить копию составленных документов. Алёна ушла к сотруднику, который оформлял конверт. Я осталась одна в кабинете на несколько минут и смотрела на пустое место напротив.

Потом на стол положили фотографию второго листа — для ознакомления с точным текстом, не с самим вещественным доказательством.

И я увидела под подписью строчку, которой прежде не заметила.

«Ответственный за контроль: генерал-майор Р. А. Ковалёв».

Дата — четырнадцатое апреля две тысячи двадцать третьего.

Мой мёртвый муж не просто снова существовал где-то за пределами моей жизни.

Согласно этому документу, через полтора года после похорон он продолжал подтверждать поставки, из-за которых, возможно, и погиб.

Вопрос был уже не в том, почему Роман вернулся.

Вопрос был в том, на чьей стороне он находился все эти годы.

Глава 3. Пятилетняя вдова

В воскресенье я проснулась в чужой квартире и первые несколько секунд не могла понять, почему на стене висят фотографии кота.

Потом вспомнила всё сразу.

Свадьбу. Романа. Конверт. Документ с подписью человека, у которого пять лет была одна официальная обязанность — лежать в могиле.

Лада спала в соседней комнате. Её кот, огромный рыжий мошенник по имени Пончик, сидел на подоконнике и смотрел на меня с выражением налогового инспектора, обнаружившего незадекларированный доход.

— Не осуждай, — попросила я. — Я и сама не планировала такой семейный статус.

Пончик зевнул.

На телефоне было тридцать семь пропущенных вызовов. Шесть от матери, девять от Павла, остальные от людей, с которыми я обычно общалась раз в год на день рождения. Человеческая близость, оказывается, резко возрастает, когда твой муж восстаёт из мёртвых прямо перед второй свадьбой.

Мама оставила голосовое сообщение длиной четыре минуты. Я включила первые двадцать секунд.

«Верочка, мне уже позвонила Нина Петровна. Она плачет, говорит, это правда. Скажи мне только одно: ты в безопасности?»

Я поставила запись на паузу.

Нина Петровна. Мать Романа.

Пять лет назад мы сидели с ней у закрытого гроба. Я держала её за руку, пока мужчина в форме объяснял, что попрощаться с телом нельзя. Через месяц мы перестали находить слова друг для друга. Ей было больно видеть во мне молодую женщину, у которой ещё могла быть жизнь. Мне — смотреть на мать человека, которого я продолжала ждать по вечерам.

Я перезвонила маме. Она ответила после первого гудка.

— Вера!

— Я жива, мам.

— Это я поняла. А Рома?

— Тоже, похоже, освоил этот навык.

— Не шути. Нина всю ночь не спала.

У меня сжалось горло.

— Я не знаю, что ей сказать.

— Скажи правду.

— Какую? У нас пока только факт появления и огромный ассортимент недосказанного.

Мама помолчала.

— Ты ведь его любила.

— Это сейчас не протокол допроса.

— Я не спрашиваю, любила ли. Я знаю. Я прошу тебя не принимать решений сгоряча.

— И не собираюсь. Вчера я даже до стадии принятия решений не дошла. Меня всё время отвлекали.

Она тяжело вздохнула.

— С Павлом поговорила?

— Нет.

— Он мне звонил. Сказал, что ты не отвечаешь и он боится за тебя.

Я прикрыла глаза. Павел действительно должен был бояться. Его невеста исчезла в компании собственного покойного мужа, а вокруг внезапно появились следователи. Но рядом с

этим страхом у меня возникал другой вопрос: почему он молчал о предупреждении насчёт «Гранита»?

— Мам, я разберусь. Пожалуйста, никому не пересылай фотографии и не обсуждай моё местонахождение.

— Мне уже три человека написали, что Рома вернулся по программе защиты свидетелей.

— Скажи, что по программе защиты моих нервов. Пока она работает плохо.

Мама неожиданно рассмеялась. Потом заплакала. И мне пришлось слушать её тихие всхлипы, чувствуя, как наша история снова превращается в горе, для которого никто не подготовил инструкций.

# # #

Днём мы с Ладой поехали за вещами в квартиру, которую я снимала вместе с Павлом. Алёна знала адрес и предупредила, что вечером со мной свяжется сотрудник по поводу дополнительных вопросов. Никто не запрещал мне возвращаться; это успокаивало гораздо сильнее любого приказа.

Лада держала руль двумя руками и молчала минут пятнадцать. Потом сказала:

— Я по-прежнему считаю, что тебе надо было выйти замуж за стоматолога.

— Почему именно за стоматолога?

— У них хотя бы понятная специализация. Если человек исчезает, можно предположить, что в кабинете закончилась анестезия.

— На моей свадьбе стоматолог тоже мог оказаться мёртвым мужем, если у него богатая биография.

— Вера, перестань побеждать даже в бессмысленных спорах.

На светофоре она взглянула на меня.

— Ты не плакала.

— Откуда знаешь?

— Я спала рядом. В нашей квартире стены как из пищевой плёнки. Слышала, как ты ходила на кухню четыре раза и разговаривала с котом.

— Пончик хороший собеседник. Не требует объяснять чувства.

— А у тебя есть чувства к Роману?

Я посмотрела на стекло. По нему медленно скользила капля после утреннего дождя.

— Есть. Но они сейчас похожи на переполненный шкаф. Открывать страшно: всё обрушится сразу.

Лада не стала шутить. За это я любила её особенно сильно.

В квартире пахло свежим деревом. Мы с Павлом собирали кухонный гарнитур неделю назад; он настоял, чтобы полки были ровно на моём уровне. От этого маленького проявления заботы стало невыносимо тяжело.

На прихожей полке стояли наши свадебные приглашения. Я выбирала шрифт два вечера. На одном конверте Павел нарисовал крошечную корону и подписал: «Моей королеве бухгалтерии». Обычно я возмущалась, что «бухгалтерия» не отражает специализацию агентства. Сейчас карточка выглядела доказательством существования нормальной жизни.

— Ты хочешь забрать всё? — спросила Лада.

— Пока только одежду, ноутбук и документы.

— А как же эти великолепные туфли, в которых ты едва не подписала судьбоносный контракт?

— Их оставить как вещдок. В них нельзя убежать даже от собственной глупости.

Я открыла шкаф. С одной стороны висели мои рубашки, с другой — Павловы пиджаки. У каждого было своё место, и я никогда не задумывалась, что порядок может выглядеть таким хрупким.

В верхнем ящике лежала небольшая деревянная коробка. Тёмный дуб, поцарапанный угол, металлическая защёлка. Я взяла её, и пальцы сразу вспомнили знакомую тяжесть.

Роман подарил мне эту коробку на вторую годовщину свадьбы. Внутри лежали билеты с нашей первой поездки к морю, два письма и серебряная серьга, которую я потеряла во время ужина. Он нашёл её под столом, ползая между ножками стульев в безупречно выглаженных брюках. Официант тогда решил, что генерал ищет взрывное устройство, и предложил вызвать охрану.

Я улыбнулась.

А потом вспомнила похороны.

Закрытый гроб. Почётный караул. Мать Романа, которая пыталась удержаться на ногах, пока ей передавали аккуратно сложенный флаг. Чужие лица с выражением профессионального сочувствия. Подпись на документах, которые я не могла прочесть: строчки расплывались, будто бумагу окунули в воду.

Мне сказали, что опознать останки невозможно. Объяснили, что заключение подготовлено специалистами и оснований сомневаться нет. Я поверила, потому что в такие минуты человеку нужна хотя бы одна твёрдая вещь.

Потом закончились выплаты, банковские счета задержали на проверке, а квартира, которую мы купили с Романом, оказалась слишком дорогой для моей новой жизни. Я продала её. Сначала было стыдно, потом страшно, потом стало просто некогда думать. Я основала агентство, научилась отказывать клиентам, спорить с банками и вставать с температурой, потому что сотрудникам требовалась зарплата.

Роман всего этого не видел.

Или видел?

Я вдруг вспомнила его уверенность в том, что мне угрожает опасность. Фото, показанные следствию. Людей, знавших мой маршрут. Если он годами занимался расследованием, что мешало ему узнать, где я живу, чем болею, кого люблю?

Я прижала коробку к груди. Лада остановилась в дверях, увидела моё лицо и без слов подошла ближе.

— Ты можешь оставить её здесь, — сказала она.

— Нет. Это моё.

На пороге лежал свежий конверт от управляющей компании. Сверху Павел оставил записку: «Вера, если вернёшься, просто дай знать. Не буду давить. П.»

Я смотрела на букву «П», пока она не превратилась в размытое пятно.

— Он здесь был? — спросила Лада.

— Видимо, утром.

— Хочешь, позвоню ему?

— Нет. Я не буду прятаться за подругой, когда придётся разговаривать с человеком, которому вчера обещала быть женой.

Это прозвучало красиво. Правда состояла в том, что я не представляла, с чего начать разговор.

# # #

В воскресенье офис нашего агентства обычно был пуст. За четыре года мы установили единственный принцип, который все уважали: работать по выходным можно, но руководитель не имеет права называть это «семейной атмосферой».

Сегодня принцип нарушили исключительно по просьбе реальности.

Лада выключила сигнализацию и сразу подошла к сейфу. Пакет, который доставили утром накануне, лежал внутри в том же виде — серый курьерский пакет, бумажная опись, номер заказа. По совету Алёны мы не вскрывали его и заранее договорились о передаче по акту.

— Видишь? — сказала Лада. — Я даже ленту не отлепила. Хотя в детстве могла открыть новогодний подарок, не повредив упаковку.

— Прекрасная квалификация для финансового аналитика.

— Зато уголовных дел раньше не было.

Она включила компьютер и нахмурилась.

— У нас письмо от «Гранита».

Я поставила сумку на стол.

— В воскресенье? Какая трогательная трудовая дисциплина.

Письмо оказалось официальным. Юридический департамент холдинга требовал в течение суток возвратить все полученные материалы проверки, подтвердить отсутствие копий и прекратить обработку информации. В случае отказа обещали суд, возмещение убытков и проверку соблюдения коммерческой тайны.

— Они же сами заказали предварительный аудит, — сказала я. — Договор заключён с их дочерней структурой. Мы имеем право хранить рабочие документы согласно его условиям.

— Похоже, им хочется переписать условия задним числом, — ответила Лада.

Я открыла договор. Его подписали восемь месяцев назад, когда агентство ещё отчаянно нуждалось в крупном заказе. Мы проверяли логистические затраты нескольких региональных подразделений. Ничего секретного: счета, акты, перевозчики, накладные. Но суммы в некоторых строках были такими, словно вместо стандартных комплектующих перевозили золото вместе с месторождением.

— Кто отправитель? — спросила я.

— Глеб Королёв. Он указан как директор по безопасности, а письмо пришло с адреса юридического отдела.

— Чудесно. Человек, которому полагается заниматься безопасностью, теперь разбирается в бухгалтерских соглашениях.

— Он приложил проект акта об уничтожении копий.

Я прочитала документ дважды.

— Лада, когда тебе в последний раз предлагали подписать бумагу об уничтожении материалов, которые ты ещё официально не получала?

— Никогда. Обычно сначала просят что-нибудь уничтожить устно.

Мы переглянулись. Ничего приятного в этом не было.

Я написала Татьяне и переслала ей письмо с договором. Затем подготовила короткий ответ: получено, изучаем вместе с представителем, никаких действий без правовой оценки не предпринимаем. Отправила и на всякий случай сохранила копию в отдельном журнале.

— Что делать с архивом? — спросила Лада.

— Тем же, что всегда делают с документами при возможном споре. Обеспечить сохранность, вести учёт, ничего не исправлять. Пусть Алёна оформляет получение через свою процедуру. У нас нет ни права, ни желания становиться подпольным архивариусом уголовного дела.

Лада расслабила плечи.

— Ты сейчас очень убедительно звучала.

— Я основала агентство не потому, что мечтала жить в окружении печатей, а потому что счета сами себя не оплачивают. Убеждать — моя профессия.

Мы согласовали с Алёной время передачи пакета на следующий день. Она отдельно попросила сохранить письмо «Гранита» и сведения о курьерской доставке.

Пока Лада искала накладную, я раскрыла личную папку со старыми бумагами Романа. После свадьбы я несколько раз собиралась выбросить её. Теперь благодарила собственную неспособность окончательно расставаться с прошлым.

В папке лежало извещение о гибели, копия свидетельства о смерти, опись личных вещей и письмо, которое я тогда получила от кадровой службы. На одном листе красовалась сухая фраза: «Приняты меры по установлению личности».

Мне снова захотелось кричать.

Пять лет назад эта фраза означала, что специалисты всё выяснили и могут передать мне документ. Сегодня она означала, что я могла оплакивать не того человека, пока настоящий муж где-то жил под чужим именем.

— Вера? — позвала Лада.

— Что?

— Дыши.

— Ты второй день повторяешь это слово. Не думала открыть дыхательный центр?

Она обняла меня за плечи.

— Думаю, лучше открыть кондитерскую. Там хотя бы неприятности заранее прописаны в составе.

Я прислонилась к ней лбом на несколько секунд. Этого оказалось достаточно, чтобы вновь открыть папку.

# # #

Ближе к вечеру мне позвонил Роман.

Я увидела незнакомый номер и по первому порыву хотела не отвечать. Но рядом лежали его бумаги, а в памяти всё ещё стояла подпись на отчёте двадцать третьего года.

— Слушаю.

— Вера, это Роман.

— Удивительно. А я только собралась звонить в отдел по борьбе с воскресениями.

Он помолчал.

— Ты можешь говорить?

— Могу. Это не значит, что буду.

— Я хотел спросить, нужна ли тебе помощь с матерью. Мне сказали, что она знает.

— Твоя мать знает. Моя тоже. Возможно, теперь знает вся страна, кроме отдела регистрации смертей.

— Я уже говорил с мамой.

— И что она сказала?

Голос Романа изменился.

— Сначала не поверила. Потом спросила, ел ли я сегодня. После этого расплакалась.

Я закрыла глаза. Нина Петровна всё ещё была той женщиной, которая носила сыну пирожки, когда он приезжал после учений. За пять лет в ней наверняка многое изменилось, но материнская забота пережила даже официальную смерть.

— У неё всё хорошо? — спросила я.

— С ней сейчас сестра. Я приеду завтра, если она захочет.

— Ты не поедешь сегодня?

— Она попросила завтра. Я впервые за долгое время сделал то, о чём меня попросили, не уточняя причин.

Я почувствовала, как странно дрогнуло сердце. Он будто учился простейшим вещам, которые я давно перестала от него ждать.

— Зачем звонишь на самом деле?

— Хочу поговорить о том, что произошло вчера. Не по телефону. Могу подъехать к месту, которое выберешь сама. Без сопровождения в кабинете. Я сообщу Алёне, где мы встретимся, но она не будет сидеть рядом, если ты этого не хочешь.

Я назначила встречу у небольшого парка недалеко от офиса. Там было людно, рядом находилась пекарня, а на аллее играли дети. Место не подходило для тайного заговора. Что и требовалось.

Он приехал вовремя. Старый Роман уважал пунктуальность сильнее, чем правительственные постановления. На нём было тёмное пальто; шрам возле скулы казался резче при вечернем свете.

— Ты похудел, — сказала я вместо приветствия.

— Ты тоже изменилась.

— Не говори «похорошела». Я за пять лет получила две седые пряди и устойчивое отвращение к неизвестным номерам.

— Я хотел сказать, что ты смотришь на людей иначе.

— На каких? Живых или официально умерших?

— На всех.

Мы прошли несколько шагов по аллее. Его правая нога слегка отставала на поворотах. Он не опирался на трость, но иногда переносил вес слишком осторожно. Я решила не замечать. Не из равнодушия — из уважения к тому, что он не просил сочувствия.

— Вера, — начал Роман, — я не имею права вмешиваться в твою свадьбу. Ни юридического, ни человеческого. Если ты захочешь вернуться к Павлу и назначить новую дату, я не стану мешать.

— Ты пришёл как раз в тот момент, когда меня спрашивали, согласна ли я выйти замуж. Несколько поздно для либеральных взглядов.

— Я пришёл потому, что появилась угроза. Я должен был предупредить тебя раньше, если бы смог.

— «Если бы смог» — очень удобная конструкция. Она оставляет человеку место для любого оправдания.

Он остановился.

— У тебя есть право так думать.

— Перестань всё время соглашаться. Я начинаю чувствовать себя на допросе у очень вежливого подозреваемого.

Роман не улыбнулся.

— Я не прошу тебя поверить словам. Я дам документы, которые можно проверить. И отвечу на вопросы, на которые сейчас могу ответить, без выдуманных причин молчать.

— Тогда начнём с простого. Ты видел меня за эти пять лет?

Он посмотрел в сторону детской площадки.

Две девочки делили красный самокат. Одна кричала, что каталась первой, другая предлагала пересчитать секунды. У маленьких людей конфликт был честнее нашего: стороны хотя бы понимали, из-за чего спорят.

— Я знал, что ты открыла агентство, — сказал Роман. — Видел фотографии, которые появлялись в открытом доступе.

— Знал, где я живу?

— Не всегда.

— Знал про Павла?

— Да.

Слово упало между нами, как тяжёлый камень.

— И ничего не сделал?

— Ничего.

— Великолепно. Вышел из моей жизни, но продолжал читать её новости.

— Я не оправдываю этого.

— Ты мог передать мне одну строчку? «Вера, я жив»?

Роман смотрел на меня долго. Потом опустил глаза.

— В какой-то момент — да.

Мне показалось, что земля под ногами слегка сдвинулась.

— В какой именно?

— Я скажу. Но это будет разговор, в котором ты, скорее всего, не захочешь меня больше видеть.

— А ты думаешь, я сейчас мечтаю о совместном отпуске?

Он кивнул. Без насмешки.

Мы стояли в центре парка, где пахло мокрыми листьями и жареными каштанами из киоска. Люди проходили мимо, не зная, что между нами лежат пять лет чужой жизни.

— У меня есть ещё вопрос, — сказала я. — В документе, который подбросили в сумку, стоит твоя подпись. Через полтора года после похорон. Ты утверждаешь, что не знаешь этот отчёт?

— Не видел его целиком. Это важно. Подпись может быть воспроизведена по старым образцам, а может быть частью документа, который мне показывали без той страницы. Я не хочу давать тебе ложную уверенность.

— Ты всегда говорил, что слово офицера должно что-то значить.

— Должно. Поэтому я не буду клясться в том, чего пока не проверил.

Я посмотрела ему в глаза и впервые с момента его возвращения увидела не уверенность, а страх. Не перед угрозами и не перед следствием. Перед тем, что мой ответ уже, возможно, никогда не изменится.

— Я не прощаю тебя, Роман.

— Знаю.

— И не буду возвращаться к прошлому только потому, что ты снова появился.

— Не прошу.

Он сделал полшага назад, оставляя мне дорогу к выходу.

Маленький жест. Совсем не героический. Но пять лет назад он бы непременно пошёл рядом, даже если бы я попросила остаться.

Я ушла первой.

# # #

У Лады на кухне было светло и пахло яблоками. Она разбирала почту, когда я вернулась. Пончик спал на моей сумке, окончательно закрепив право собственности.

— Ну что? — спросила Лада.

— Он сказал, что у меня есть право выбирать. На свадьбу не настаивал. Вообще ни на чём не настаивал. У меня теперь подозрение, что настоящего Романа всё-таки похоронили, а этот прошёл курс уважительного общения.

— Это плохо?

— Это страшно. Когда человек меняется, становится непонятно, где заканчивается прежняя боль и начинается новая надежда.

Я разложила перед собой копии бумаг, которые забрала из старой папки. У каждого документа были номер, дата и подпись. Я привыкла смотреть именно на такие мелочи: крупные суммы умеют производить впечатление, а ошибки чаще прячутся в скучных полях.

В извещении о гибели значилось, что личность Романа установили четырнадцатого октября двадцать первого года на основании первичных материалов. В приложенной справке об исследовании останков стояло: «материал поступил шестнадцатого октября».

Я перечитала обе строчки.

Потом ещё раз.

Две даты. Два разных документа. Может быть, имелся в виду какой-то иной материал? Возможно, существовали дополнительные сведения, которых мне не выдали. Но если

справка действительно относилась к тем же останкам, получалось странно: личность установили раньше, чем эти останки поступили на исследование.

— Лада, — позвала я.

Она подошла и посмотрела туда, куда я указала.

— Ошибка в бумагах?

— Возможно. Я не специалист по судебной медицине. Но я умею находить вопросы, на которые документ обязан отвечать.

Я сфотографировала страницы, сохранила копии и написала Алёне с просьбой проверить, относятся ли эти записи к одному материалу.

Через минуту пришёл ответ: «Получила. Не делайте самостоятельных выводов. Проверим первичные журналы».

Я положила телефон экраном вниз.

Пять лет я считала, что мне выдали результат расследования.

Теперь выяснялось, что мне, возможно, выдали только его красивую обложку.

Глава 4. Жених с договором

В понедельник Павел прислал мне сообщение в восемь ноль семь.

«Я могу приехать и объяснить всё. Без оправданий. Только факты».

Я смотрела на экран, пока чай в чашке не остыл. Фраза «только факты» меня устраивала. Ещё вчера я бы добавила к ней «и обними меня, пожалуйста». Сегодня она означала необходимость проверить каждое слово.

Я ответила: «В одиннадцать. Переговорная моего офиса. Я буду с Ладой».

Через минуту пришло: «Хорошо».

Ни сердечка. Ни «люблю». Павел знал, когда лучше не пытаться исправить отношения знаками препинания.

Лада встретила меня у входа с папкой документов и огромным бумажным стаканом чая.

— Не спрашивай, — сказала она. — Ночь была длинной. «Гранит» прислал ещё два письма, а наш сервер решил, что мир достаточно опасен без доступа к бухгалтерии.

— Ты спала?

— Да. Между вторым и третьим письмом. Минут девять. Совсем как в отпуске.

В помещении пахло краской для принтера. На стеклянной перегородке висела наклейка, которую я однажды приклеила после особенно тяжёлой проверки: «Факты обижают не всех. Только виновных». Обычно клиенты улыбались. Некоторые сразу начинали подробно рассказывать о своей честности. Это было особенно информативно.

Мы договорились, что Лада будет вести заметки и не вмешиваться, если разговор пойдёт о наших личных отношениях. Когда я предложила разделить беседу на деловую и личную части, она посмотрела на меня с такой нежностью, словно я попыталась приложить к разбитому сердцу инструкцию по эксплуатации стиральной машины.

— Вера, ты понимаешь, что человек придёт говорить о сорванной свадьбе?

— Именно поэтому я хочу сначала разобраться, не угрожает ли нам судебный иск.

— Отличная последовательность. Любовь подождёт, пока юридический отдел закроет квартал.

— У любви последние два дня плохая репутация.

В десять пятьдесят восемь Павел вошёл в переговорную. На нём был серый свитер вместо привычного костюма, волосы растрёпаны, под глазами тени. Он нёс небольшой пакет.

— Твои вещи, — сказал он. — Зарядное устройство, очки, блокнот. Вчера ты их не забрала.

Я взяла пакет. Внутри лежал мой старый футляр для очков с треснувшей дужкой. Павел обещал купить новый, но каждый раз забывал. Сейчас его забота казалась слишком человеческой для человека, которого мне хотелось обвинить во всех бедах.

— Спасибо. Садись.

Он посмотрел на Ладу.

— Я понимаю, почему ты здесь. Но некоторые вещи я хотел бы обсудить с Верой наедине.

— Личные — пожалуйста, — ответила она. — Всё, что касается агентства и «Гранита», относится к моей работе. Никуда не уйду.

Павел сел, положив ладони на стол. Он всегда так делал на сложных переговорах: показывал собеседнику открытые руки, чтобы тот чувствовал себя спокойнее. Раньше я считала эту привычку милой. Сегодня сразу вспомнила учебник по поведенческим техникам.

— Начни с того, что тебе сказали перед свадьбой, — попросила я.

— В пятницу вечером мне позвонил наш управляющий партнёр, Кирилл Белов. Он сообщил, что одна из компаний, которую мы юридически сопровождали, столкнулась с проблемой из-за вашей проверки.

Я подняла голову.

— «Гранит»?

— Не напрямую. Один из подрядчиков холдинга. Кирилл сказал, что могут возникнуть претензии к материалам, которые должны были поступить в ваше агентство.

— Какие претензии?

— Что документы незаконно получены и содержат коммерческую тайну.

Лада тихо поставила ручку на стол.

— По нашему договору часть рабочих материалов предоставлялась самим заказчиком. Это не вопрос коммерческой тайны, это вопрос того, что подписано в приложении к договору.

— Я знаю. Но речь шла не только об аудите. Кто-то сообщил, что к вам направлен отдельный архив.

Я подумала о конверте в сумке.

— И что ты сделал?

Павел медленно выдохнул.

— Сказал, что ничего не знаю. Утром в субботу Кирилл перезвонил. Попросил убедиться, что ты не принимаешь документы лично до разговора с юристами. Говорил, это может обернуться уголовным делом против тебя.

— Ты так забеспокоился о моём благополучии, что решил ничего мне не сообщать?

— Я собирался сказать после церемонии.

— Это я уже слышала.

— Вера, послушай. Я считал, что это попытка надавить на твоё агентство. Такие истории бывают. Угрожают иском, обещают проверки, через неделю договариваются о соглашении. Я не предполагал, что придут люди, связанные со взрывом пятилетней давности.

Он произнёс последние слова слишком быстро, будто пытался справиться с самим их звучанием.

— Откуда ты знаешь, что мужчина в технической форме связан со взрывом? — спросила я.

Павел замер.

— Роман сказал при всех, что видел его раньше.

— Уже после церемонии. А перед ней ты знал только об архиве?

— Да.

Я записала ответ.

Павел с горечью посмотрел на блокнот.

— Ты ведёшь протокол нашего разговора?

— Я хочу потом помнить, кто и что говорил. В воскресенье выяснилось, что память у некоторых людей работает исключительно в интересах работодателя.

— Ты думаешь, я работаю против тебя.

— Я думаю, что ты выбрал за меня, какую угрозу мне стоит знать до свадьбы. И я пытаюсь понять, почему.

Он растёр переносицу.

— Потому что люблю тебя. Потому что ты наконец согласилась начать новую жизнь и я не хотел, чтобы один звонок разрушил этот день.

У меня дрогнули пальцы.

Павел был рядом, когда я впервые смогла произнести имя Романа без слёз. Он возил меня в больницу с воспалением лёгких. Однажды ночью сидел в коридоре до утра, потому что у меня случилась паническая атака после громкого хлопка на улице. Он не требовал забыть прошлое. Знал, что я не умею этого делать.

И всё же не предупредил об угрозе.

— Любовь не отменяет обязанности говорить правду, — сказала я.

Он кивнул.

— Теперь понимаю.

— А когда Роман вошёл в зал, ты назвал его сумасшедшим. Но ты же видел, что Алёна пришла с удостоверением. Почему до самого конца требовал, чтобы я уехала с тобой?

— Потому что меня испугало происходящее. — Он поднял глаза. — Представь: ты готовишься к свадьбе с женщиной, которую любишь. Входит незнакомец и говорит, что он её покойный муж. За ним появляются сотрудники правоохранительных органов. Ты правда думаешь, что я в такой момент действовал рационально?

Я не ответила. Его объяснение было правдоподобным. А правдоподобие, к сожалению, не равно правде.

# # #

Мы сделали перерыв. Я вышла к кулеру, выпила холодной воды и посмотрела через стекло переговорной, как Павел сидит перед Ладой. Он что-то сказал, она покачала головой. На мгновение это выглядело как обычное деловое совещание, если не считать того, что двое участников обсуждали мой потенциально взорвавшийся брак.

Телефон завибрировал. Писала Татьяна.

«Проверила договор. Требование «Гранита» спорное, уничтожать материалы нельзя. Ответ готовлю. По подброшенному отчёту ничего не подписывай и не комментируй публично».

Я переслала письмо Ладе и вернулась.

— Давай проверим время звонков, — предложила я Павлу. — Ты сказал, что Кирилл звонил в пятницу вечером, а утром в субботу перезвонил.

— Да.

— Во сколько?

— Около девяти.

— В восемь ноль три Лада получила доставку. В восемь десять написала мне. В девять ты уже знал про архив. Кто ему сообщил о доставке?

— Не знаю. Возможно, логистический подрядчик.

— Какой?

— Вера, я не могу разглашать сведения о клиентах фирмы без согласования.

Я коротко засмеялась.

— Потрясающе. Оказывается, у коммерческой тайны есть преимущества перед тайной моей безопасности.

— Я не отказываюсь отвечать. Мне нужно понять, что я вправе тебе рассказать.

Он говорил осторожно. Для юриста это было естественно, для жениха — мучительно. И я не могла полностью отвергнуть этот аргумент. Конфиденциальность действительно существует не только ради того, чтобы портить людям жизнь.

— Тогда расскажи всё, что относится к тебе, — сказала я. — Не к клиенту. К тебе. Ты видел документы, которые собирались передать нам?

— Нет.

— Ты участвовал во встречах по этому вопросу?

— На прошлой неделе обсуждал общие риски сделки.

— С кем?

— С Кириллом и финансовым директором одного из подрядчиков.

— Где?

— В нашем офисе.

— Когда?

— Во вторник после обеда. Примерно в три.

Я записала дату: двадцать девятое сентября.

— Были ещё встречи?

Он колебался.

— Не помню ничего существенного.

Слова прозвучали мягко, почти ласково. Но именно к таким формулировкам у меня была профессиональная аллергия. Они оставляли свободное пространство для неприятной правды.

Я открыла календарь на ноутбуке. Не его личный, разумеется, — свой. Во вторник вечером Павел прислал мне фотографию из ресторана: десерт, бокал с водой и подпись «Переговоры удались, домой скоро». Я помнила её, потому что на фотографии случайно отразилось время на большом настенном экране — девятнадцать сорок.

— Во вторник ты ужинал с кем-то из клиентов? — спросила я.

Павел нахмурился.

— Да. После рабочих встреч.

— С кем?

— Сотрудники холдинга. Это было неформально.

— Кирилл тоже был?

— Нет.

— Ты говорил мне, что ужинаешь с коллегами из своей фирмы.

— Возможно, так и сказал. Не видел смысла перечислять всех участников.

Я медленно повернула к нему экран со снимком.

— Павел. Когда человек не видит смысла назвать того, с кем встречается, это обычно означает, что смысл есть.

Он обхватил руками чашку.

— Вера, ты сейчас ищешь преступника в каждом моём слове.

— Нет. Я ищу разницу между тем, что ты говорил неделю назад, и тем, что говоришь сейчас.

Лада тихо взяла мой блокнот и поставила галочку возле времени встречи.

— В переписке по нашему договору есть уведомление об обсуждении претензий в среду, — сказала она. — Там фигурирует представитель службы безопасности «Гранита». Не встречались ли вы с ним раньше?

Павел посмотрел на неё.

— Имени не помню.

— Это не тот вопрос, который она задала, — заметила я.

Он устало провёл ладонью по лицу.

— Да, на ужине был человек из службы безопасности. Но я не знаю, связан ли он с тем, что произошло на свадьбе. И не хочу сейчас называть человека преступником без доказательств.

Вот тут я была с ним согласна. Более того, именно этого принципа требовала от своей команды.

— Хорошо. Не называй преступником. Назови его фамилию, если имеешь право. Если не имеешь — объясни, почему.

— Я уточню, могу ли раскрыть участие. И скажу тебе после разговора с юристом, который не представляет конфликтующую сторону.

Не уклонение, а конкретное действие. Я кивнула, хотя подозрения не исчезли.

# # #

Когда Лада вышла за распечатками, Павел попросил закрыть дверь переговорной.

Мы остались вдвоём. Между нами стояли два стакана воды и стол, который я покупала в рассрочку, когда агентство едва держалось на плаву.

— Я не собираюсь требовать, чтобы ты забыла Романа, — сказал он.

— Спасибо. Особенно учитывая, что он теперь активно напоминает о себе.

— Дай мне сказать без шуток.

Я замолчала.

Павел снял часы и положил их рядом с телефоном. Он делал так, когда разговор был важнее расписания.

— Я знаю, каким был твой брак. По крайней мере, знаю то, что ты мне рассказывала. Ты любила его. И я никогда не пытался стать похожим на Романа. Я хотел быть человеком, рядом с которым тебе спокойно.

— Ты им был.

— Значит, всё это не исчезло за один день.

— Нет. Но изменилось.

Он смотрел на меня долго.

— Ты хочешь к нему вернуться?

Я почувствовала, как вопрос попал в самое больное место.

— Я не знаю, чего хочу. Вчера я узнала, что человек, которого оплакивала пять лет, живой. Это не повод принимать решение между двумя мужчинами, словно выбирать, какой телефон оставить после обновления модели.

Павел усмехнулся, но глаза остались печальными.

— Ты всегда находишь деловое сравнение даже для катастрофы.

— В деловых вопросах хотя бы можно потребовать возмещение убытков.

Он протянул руку через стол. Я позволила ему коснуться моих пальцев.

— Я не прошу назначить свадьбу завтра. Просто не закрывай дверь окончательно. Мы можем подождать, пока всё выяснится.

Мне захотелось сказать «да» ради того, что было до субботы. Ради наших вечеров, поездок, его тихого смеха, привычки приносить мне суп, когда я забывала поесть. Но было бы нечестно давать обещание, не зная даже собственного ответа.

— Павел, я пока не могу обещать тебе ничего, кроме правды. И того же жду от тебя.

Он отпустил мои пальцы.

— Справедливо.

Мы сидели молча. Не враждебно. Просто оба понимали, что наша жизнь разошлась по шву, а сшить её словами не получится.

Перед уходом он остановился у двери.

— Вера, я действительно не знал, что твой первый муж жив.

— Я тоже.

— Я знаю, как странно это выглядит. Но на твоём месте я бы тоже не поверил первым объяснениям.

Он произнёс это и вышел.

Я смотрела на закрывшуюся дверь дольше, чем требовала деловая вежливость.

# # #

К вечеру Татьяна согласовала ответ на требования «Гранита». Мы не передавали никаких данных посторонним и не соглашались уничтожать документы. Лада разбирала старые приложения к договору, чтобы подготовиться к возможному спору.

Я сидела у окна и пыталась сделать вид, что меня интересует прогноз выручки агентства. Каждый раз, когда я смотрела на таблицу, перед глазами вставало лицо Павла. И другое лицо — со шрамом у скулы.

— Вера, подойди, — позвала Лада.

На её экране был старый реестр контрагентов по нескольким логистическим проектам. Наше агентство получило его в начале аудита от уполномоченного заказчика и сохранило вместе с рабочей перепиской. В нём ничего не доказывало преступления, но список участников был полезен для сравнения.

— Смотри на учредителей вот этой фирмы, — сказала она.

В таблице значилось общество с неприметным названием «Ресурс-Логистика». Адрес регистрации находился в деловом центре, где размещались десятки компаний. В столбце «контактные представители» стояла фамилия, которую я уже слышала сегодня.

Белов.

Кирилл Белов. Управляющий партнёр юридической компании Павла.

Я открыла приложенную карточку. Она была составлена полтора года назад. В графе «основание полномочий» упоминалось соглашение о правовом сопровождении.

— Это может означать обычную юридическую работу, — сказала я.

— Может, — согласилась Лада. — Но посмотри на дату.

Соглашение подписали за несколько месяцев до нашего договора на аудит. А сам подрядчик в тот период проводил платежи, которые мы ещё прошлой зимой отметили как необычные.

— Почему я раньше этого не видела? — спросила я.

— Потому что тогда мы проверяли не собственников, а стоимость поставок. И потому что фамилия юриста ещё ничего не означала. Сегодня она появилась в другом контексте.

Я снова посмотрела на карточку.

В одном поле фамилия была указана полностью: Кирилл Олегович Белов.

В другом — его электронный адрес для согласования документов.

И именно на этот адрес два дня назад уходило уведомление о доставке архива в наше агентство.

Не из чужого рассказа. Не от загадочного информатора. Из системы документооборота курьерской фирмы — копия уведомления оказалась приложена к описи доставки.

Я почувствовала, как холодеют ладони.

Павел говорил, что утром ему перезвонили с предупреждением. Но человек, который предупреждал, мог узнать о доставке задолго до звонка.

— Мы пока ничего не доказали, — сказала Лада.

— Знаю.

— Но теперь у нас есть вопрос, на который Кирилл Белов должен ответить.

Я взяла телефон и открыла список вызовов.

Павел обещал выяснить, можно ли раскрыть сведения об участниках встречи.

Я собиралась дать ему такую возможность.

Потому что если он снова солжёт, мне придётся признать нечто гораздо неприятнее, чем существование живого покойника.

Я могла любить человека, которого совсем не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.